

Е.Ю. Колебакина

АРХАНГЕЛЬСКИЙ КУПЕЦ АЛЬБЕРТ СУРКОВ

В статье на примере жизни и деятельности архангельского купца первой гильдии Альберта Юльевича Суркова рассматривается влияние выходцев из Европы на русскую общественную, экономическую и культурную жизнь конца XIX — начала XX в. Автор выделяет основные направления предпринимательской деятельности купца: пивоварение и целлюлозно-бумажное производство. Особое внимание уделяется благотворительной деятельности как самого предпринимателя, так и его жены Лидии Ивановны Сурковой (Шергольд). В статье отмечается неоднозначность оценок личности Альберта Суркова и методов в организации производства и жизни рабочих на его предприятиях.

Ключевые слова: Архангельск, предпринимательство, Альберт Сурков, пивоварение, целлюлозное производств, благотворительность.

E. Y. Kolebakina

ARKHANGELSK MERCHANT ALBERT SURKOV

The article examines the influence of immigrants from Europe on the Russian social, economic and cultural life of the late XIX — early XX century on the example of the life and activity of the Arkhangelsk merchant of the 1st guild of Albert Surkov. The author identifies the main areas of entrepreneurial activity of the merchant: brewing and pulp and paper production. Particular attention is paid to charitable activities, both of the entrepreneur himself and his wife Lidia Ivanovna Surkova (Shergold). The article notes the ambiguous assessment of Albert Surkov's personality and methods in organizing the production and life of workers at his enterprises.

Keywords: Arkhangelsk, entrepreneurship, Albert Surkov, brewing, pulp production, charity.

Начиная с петровских времен выходцы из Европы, перебравшись на временную или постоянную службу в Россию, оказывали значительное влияние на русскую общественную, экономическую и культурную жизнь. Бывшие подданные Пруссии, Дании, Швеции, Британии становились губернаторами, городскими головами, купцами, общественными и культурными деятелями.

Русский Север, географически близкий к Европе, не был исключением. Еще на рубеже XVII–XVIII вв. в Архангельске сформировалась Немецкая слобода, где жили и торговали голландцы, датчане и другие европейцы,

преимущественно лютеране. Немецкое происхождение — у архангельских купцов и промышленников Линдесов, Пецов, Люрсов. Из Амстердама прибыли предки Дес-Фонтейнесов, Гувелякенов, из Норвегии — Ульсенов и Стампе, из Швейцарии — Лейцингеров. Лучшее образование в городе в XIX в. давало Архангельское евангелическое училище, открытое на пожертвования архангельских иностранных купцов. Во всех многочисленных благотворительных обществах Архангельска деятельное участие принимали жены и дочери этих «иностранных» архангелогородцев.

Особенно интересна и отчасти показательна судьба архангельского купца первой гильдии, потомственного почетного гражданина города Архангельска Суркова Альберта Юльевича (Юлий Альберт Константин, 1848–1917). Фигура противоречивая, неоднозначная, биография полна легенд. Финансовое благополучие его империи составили торговля пивом и лесом.

«Сурков Альберт Юльевич родился 11 (23) марта 1848 г. в Кретинген Тельшевского уезда Ковенской губернии. Родился в семье аптекаря. После окончания Рижской гимназии получил фармацевтическое образование в Медико-хирургической академии в Петербурге, получил диплом аптекарского помощника. В 20 лет (1867) приехал в Архангельск. В 1875 г. перешел из прусского в российское подданство»¹, хотя семейное предание гласило, что у него были русские предки. По семейной легенде, прадед предпринимателя, будучи генералом российской армии, был откомандирован ко двору прусского короля, женился на немке и остался в Пруссии. Однако его потомки возвратились в Россию.

В 1871 г. в 23 года он в качестве наследства получил первоначальный капитал. В собственность Суркова-младшего перешли коптильня, лавки и склады с товарами в Архангельске и Великом Устюге, кузница, три дома в губернском центре.

В 1878 г. 30-летний Альберт Юльевич женился на старшей дочери архангельского купца, служащего торгового дома «Кларк-сыновья», бельгийского и английского консула в Архангельске Ивана Егоровича (Джона-Георга) Шергольда — Лидии Ивановне, чем приумножил свое состояние и вошел в высший круг архангельского коммерческого мира. Почти сорок лет Сурков и его шурин Егор Иванович Шергольд вместе решали многие крупные проблемы совместного бизнеса.

В конце XIX — начале XX в. мало кто из предпринимателей Русского Севера мог сравниться с купцом первой гильдии Сурковым по количеству созданных им промышленных заведений. В разные годы Альберт Юльевич

пытался заниматься устройством торговых бань, бумагоделанием, пивоварением.

Одной из основных статей дохода Суркова были производство и продажа винно-водочных товаров и пива. Он построил водочный (1876), спиртоочистительный (1877), пивоваренный (1879) и винокуренный (1881) заводы. 26 марта 1881 г. А.Ю. Сурков и Е.И. Шергольд учредили товарищество «Сурков и Шергольд».

От производства водки, впрочем, вскоре купец отказался, а выпуск пива стал увеличивать. Сурков очень радовался, когда удавалось найти старинный рецепт пива, сохраненный едва ли не с петровских времен. «И тогда здесь знали этот напиток!» Он считал нормальным, чтобы мужики пили пиво, а не водку. Водка — это грубо, к тому же пьянство — враг любому делу. Дело — это то, что ценил Сурков в людях².

Пивная империя Суркова переживала и трудные времена. Зимой 1877/78 г. выручка от продажи пива резко сократилась. По городу поползли слухи, что сурковское пиво отравлено. Вскрыв парусиновую мешковину, проверяющие нашли следы темно-коричневого порошка. Судебно-химическое исследование установило, что «онный порошок есть вещество, именуемое вонючей камедь-смолой, обладающей слабительным действием»³. В этой связи у следствия появились две основные версии.

Первая — порчу хмеля совершил (пусть и отвергающий свою вину) бывший мастер пивного завода Август Шютце, приглашенный из Пруссии. Вторая — порошок подсыпал, проживавший в Архангельске мещанин города Вильно Лейзер Лепин, узнавший об обидах пивовара, его скором отъезде и решивший именно на него свалить вину и с помощью шантажа получить с купца деньги. Были и другие версии, так как выяснилось, что склад совершенно не охранялся, в него мог зайти любой злоумышленник и подсыпать в хмель что угодно. 10 января 1879 г. губернская палата уголовного и гражданского суда рассмотрела дело, названное молвой «хмельным», и в связи с отсутствием убедительных улик постановила: «Августа Шютце, 49 лет, и Лейзера Лепина, 35 лет, оставить в подозрении». Это означало, что они до появления каких-либо уличающих их доказательств признаются невиновными⁴.

Таким образом, единственным понесшим в «хмельном деле» потери — как моральные, так и материальные — оказался купец Альберт Сурков.

В 1903 г. А.Ю. Сурков объединил свои первые водочный и пивоваренный заводы, значительно окрепшие к тому времени, в «Товарищество Архангельского пивоваренного завода Суркова», уставной капитал которого

составил 600 тыс. руб. К 1914 г. производство пива на этом предприятии было доведено до 200 тыс. ведер. «Пивоварение было делом прибыльным, но с началом Первой мировой войны в стране был введен своеобразный “сухой закон”, и Суркову пришлось спешно переориентировать завод на выпуск кваса»⁵.

Второй сферой финансовых интересов товарищества «Сурков и Шергольд» стала лесопильная промышленность Севера. На 6-й версте от города в 1881 г. появилась однорамная лесопильная установка, с которой ведет свою историю лесозавод № 3⁶. В 1913 г. на заводе были установлены уже 14 пилорам. После ряда преобразований бизнесмены в начале XX в. создали Северное лесопромышленное товарищество «Сурков и Шергольд», часть паев в котором принадлежала брату Егора Ивановича Роберту Шергольду, занявшему пост управляющего лесозаводом.

По единодушной оценке современников, лесозавод Суркова был одним из самых передовых заведений отрасли. На большинстве лесозаводов той поры рамы размещались в больших деревянных строениях, называвшихся амбарами, а завод «Сурков и Шергольд» уже в 1886 г. представлял собой двухэтажное кирпичное здание с железной крышей. Передовым по тому времени было и техническое оборудование предприятия. Завод располагал быстроходными рамами с автоматической подачей бревен. Регулярно модернизировалось силовое оборудование. 17 лет заводские службы освещались при помощи газовых светильников, а в 1898 г. началось устройство электроосвещения внутри заводских помещений и биржи. В 1910 г. на территории заведения насчитывалось до 800 различных электросветильников. Непрерывно возрастала и численность рабочих, занятых на заводе. В 1886 г. на заводе было занято 36 человек, а в 1913 г. — 835, из них 195 — на непосредственном производстве. Весьма значительными были и масштабы производства. В 1912 г. товарищество вывезло на экспорт 12 760, а в 1913 г. — 18 880 стандартов пиломатериалов.

Заслуга А.Ю. Суркова состояла и в том, что он одним из первых в России соорудил целлюлозный завод. С этой целью он в 1897 г. учредил в Архангельске «Северное общество целлюлозного и писчебумажного производства». Позднее предприятие называли «Сокол» по деревне в Вологодской губернии.

Компаньоны сравнительно быстро добились весьма значительных успехов. Предприятие ежегодно выпускало 700 тыс. пудов целлюлозы и около 100 тыс. пудов — бумаги. Общество «Сокол» занимало третье место в России по размеру выпускаемой продукции.

Истории России XX в. не только интересна сама по себе, но и чрезвычайно любопытна разнообразием оценок ее событий. Так, в описании условий жизни рабочих заводов Суркова мы тоже можем выявить несколько версий.

Версия первая. «Рядом с заводом вырос поселок рабочих и служащих. Для сезонных рабочих построили казармы. Здесь же находился приемный покой с фельдшером от Товарищества. Взамен церковно-приходского было открыто владельцами заводское училище с вечерними классами для взрослых. Для рабочих были устроены библиотека-читальня и даже театр. Для постановок приглашались профессиональные труппы из города, а после спектаклей устраивались танцы, заканчивавшиеся за полночь. Эти вечера “на 6-й версте” были чрезвычайно популярны в городе. Добираться до завода было сложно, поэтому организовывались специальные пароходные рейсы, привозившие горожан к началу спектакля и доставлявшие обратно уже после танцев. Завод приобрел комплект инструментов духового оркестра, и дети рабочих могли обучаться музыке, а сами они охотно участвовали в выступлениях хора. Работники лесозавода постоянно ощущали заботу со стороны администрации. Здесь были приличные заработки, неплохо поставленная охрана труда. И даже в беспокойные годы Первой русской революции сурковские рабочие участия в демонстрациях и забастовках практически не принимали»⁷. С началом Первой мировой войны на лесопильных заводах «Суркова и Шергольда» прошли собрания уполномоченных больничных касс, где были приняты решения об участии касс в помощи семьям своих товарищей, мобилизованных на войну, и выделении дополнительных средств для семей воинов.

Версия вторая. На лесопильном заводе Суркова не существовало сколько-нибудь сносной вентиляции, рабочим приходилось работать в душном помещении. В курительной же, куда собирались покурить, а рабочие из окрестных деревень и пообедать, «в зимнее время сверху мочит (от постоянно наполняющего помещение пара), а снизу ноги мерзнут. Пообедают или покурят здесь рабочий да идет себе сырой на 20-градусный мороз в амбар работать. При работе каждую минуту рисковали получить увечье, так как ограждений слишком недоставало <...>

Нисколько не заботясь о здоровье рабочих, относясь снисходительно к своим упущениям, хозяева и верные слуги их строго взыскивали с рабочих за всякий пустяк. За все у нас вычеты, да какие вычеты! Прогуляет рабочий, работающий помесечно, день — вычет, причем вычитали не дневной заработок по месячной раскладке, а вдвое больше, вместо одного рубля

целых два. А спорить начнешь, и еще взыскали <...> На заводе существовали бараки, выстроенные из одних досок в два ряда, в промежутках которых наложены опилки. При ветре опилки сыпались промеж щелей на головы сидящим, а во время обеда — в пищу. Каждый подобный барак был разделен на две половины саженей 42, тут же сделана перегородка, за которой [располагались] печь и помещение кухарки, остальное место — для рабочих; зимой здесь доходит до 25 человек, летом и до 60. Ночью все спали на полу и на нарах. Обедал каждый отдельно, и пища весь день никуда не убиралась, по большей части родная северянину “трещочка” со своим душком. Если свежий человек забредал сюда ночью, то и пяти минут не выдерживал <...> Днем страшная сырость от пара, который шел от котла, ночью — холод <...> Все товары в заводской лавке дороже, чем в других лавках. И какие товары! Треска к весне продавалась с червями. Солонину продавали такую, какую в городе выбрасывают в яму. Все эти товары уже закупаются в не-свежем виде. Купцы за хорошую скидку в пользу человека от конторы, закупающего для лавки товары, сбывали всякую заваль...»⁸

Следует отметить, что многие отмеченные в листовке факты действительно имели место, и говорить о социальной справедливости в начале XX в. как на лесопильных заводах Архангельска, так и в России не приходится. Но все же заводы Суркова и Шергольда были гораздо более благополучными в социальном и техническом плане. Возможно поэтому, «как вспоминала дочь Роберта Шергольда Эрна, ее отец дал разрешение рабочим принять участие в митинге, организованном на Майской Горке в 1905 г., но рабочие сами не пожелали пойти туда, а агитаторов, пытавшихся проникнуть на территорию завода, встретили струями из пожарных насосов»⁹. А вот в Кеми 29 мая — 7 июня 1906 г. рабочие примкнули к всеобщей забастовке лесопильных заводов.

Сурков был также совладельцем Северного пароходного общества «Котлас–Архангельск–Мурман», которое осуществляло пассажирские и грузовые перевозки по Северной Двине, Сухоне, Вычегде.

Альберт Юльевич занимал ряд общественных постов:

- гласный городской Думы;
- член губернских присутствий по промысловому налогу и портовым делам;
- член Архангельского комитета торговли и мануфактур;
- член Архангельского биржевого комитета;
- член местного управления Российского общества Красного Креста;
- почетный мировой судья Архангельской губернии;

— почетный член Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС) и т.д.

Он оказывал существенную материальную помощь в издании журнала АОИРС. Во многом благодаря Суркову начались дноуглубительные работы в Архангельском порту. Прислушиваясь к мнению известного исследователя Севера А.В. Журавского, Сурков вынашивал планы развития торфяного дела.

Альберт Юльевич активно занимался благотворительностью, на его заводах были свои церковно-приходская школа, фельдшерский пункт, бесплатная рабочая библиотека, духовой оркестр и даже прогулочный катер. В 1881–1882 г. он пожертвовал 100 руб. на питание нищих в трех бесплатных столовых Архангельского женского попечительного общества о бедных. В 1905 г. — почетный член Архангельского попечительства о детских приютах¹⁰.

С началом Первой мировой войны в 1914 г. видного в городе купца и потомственного почетного гражданина обвинили в германophilстве (по причине происхождения), хотя он перевел крупную сумму на помощь семьям запасников. Его квартиру обыскали, опечатали всю переписку. В 1915 г. умирает его жена. Уже ничто не держало Суркова в Архангельске, он уехал на фабрику «Сокол», где управляющим был его сын, и занялся устройством школы для рабочих. В июне 1916 г. на фабрике вспыхнул сильный пожар, принесший миллионные убытки. Это окончательно подорвало его силы, и 18 (31) мая 1917 г. он умер от воспаления легких в Петрограде.

В некрологе на смерть Альберта Юльевича говорилось: «Он всегда был полон инициативы и деловитости, что не мешало ему в то же время быть меценатом и филантропом, но он всегда оставался скромным молчаливым человеком, уклонявшимся от положений быть на виду...»¹¹

Суркова трудно было назвать публичным деятелем. «Положение обязывало его занимать различные должности в общественных и благотворительных организациях, но его деятельность там в основном ограничивалась материальной поддержкой. Он был слишком занятым и при этом скромным человеком, чтобы афишировать свою общественную деятельность. И всегда был достаточно щедр»¹². Удостоен многих наград, в том числе норвежского ордена Святого Олафа за содействие норвежской арктической экспедиции проф. Биркеланда.

В традициях того времени благотворительностью чаще занимались жены купцов и предпринимателей. Так, Лидия Ивановна Суркова (1858–1915) была одной из самых известных в городе благотворительниц.

Родилась она в семье британского подданного Джона (Ивана Егоровича) Шергольда, «временного архангельского купца первой гильдии». В 1878 г. вышла замуж за купца Альберта Суркова. Известно, что уже в 1889 г. Лидия Ивановна была попечительницей детского приюта Святого Петра и Алексеевской богадельни. В 1905 г. она — член попечительного совета Дома трудолюбия в Архангельске, а в 1907 г. — член Губернского попечительного совета ведомства императрицы Марии, в ведении которого находились детские приюты. С 1911 г. она также попечительница общества «Всеградские ясли» — учреждения, оказывающего помощь работающим матерям в содержании детей¹³.

Благотворительные учреждения содержались на общественных началах, и попечительнице приходилось решать массу вопросов: заготовка дров, закупка продуктов, наем персонала. Без согласия попечительницы не могли состояться ни прием призреваемых, ни выдача пособий. Это была непростая, каждодневная, ответственная работа. К тому же в городе, кажется, не было ни одного благотворительного учреждения, которому Лидия Ивановна не оказывала бы материальную помощь.

Она была членом совета и активным жертвователем благотворительного Общества при больнице Архангельского приказа общественного призрения в 1908–1909 гг. Вместе с Э.И. Дес-Фонтейнес и М.И. Стаме Лидия Ивановна жертвовала деньги на постройку родильного барака при больнице приказа¹⁴. В городе практически не было ни одного благотворительного учреждения или мероприятия, которому она не оказывала бы материальную помощь (на рождественские елки в детских приютах, благотворительные лотереи).

Быть приглашенным в дом Сурковых считалось очень престижным, здесь умели и любили угощать. Евгения Фрезер в своей знаменитой книге «Дом над Двиной»¹⁵ вспоминала: «Я помню мамин рассказ о ее первом вечере, когда мадам Суркова, жена богатого пивовара, праздновала именины. Приглашение было на чай на девять вечера. Как пояснил Герман, это предполагало явиться в вечернем платье. “Вечернее платье на чашку чая — как странно”, — подумала мама.

Когда мама и папа прибыли в дом Сурковых, хозяйка сидела в гостиной за серебряным самоваром. <...> Молодые горничные с чашками и пирожными на подносах сновали среди гостей. После чая самовар был убран. На столе появились яства: икра трех цветов: серая, черная и ярко-оранжевая; маринованная сельдь, копченый лосось, паштеты, омары, сыры, а к ним — водка и ликер; который очень нравился дамам, — рябиновка на коньяке.

Ровно в полночь дворецкий объявил, что подан ужин. Хозяин дома сам подвел Нелли к столу и усадил рядом с собой. Это был уже самый настоящий гаргантюанский пир — консоме с грибными пирожками, осетр в вине, грудки куропаток в сметане, блинчики с икрой, мясное блюдо, затем кофе, мороженое разных сортов и фрукты. Лишь после этого дамы стали разъезжаться по домам, но их мужья остались еще и, собравшись в кабинете, играли в карты. В шесть утра подали завтрак, после чего последние из приглашенных «на чай» разъехались по домам, чтобы переодеться и отправиться в конторы»¹⁶.

Дом Сурковых (сейчас школа искусств) на углу Набережной и Почтамтской улиц (ныне — ул. Попова) и пивоваренный завод рядом добавляли красоты в облик старого Архангельска. Суркова сама занималась благоустройством набережной в районе Немецкой слободы — высаживала и поливала растения. И это был красивейший уголок Архангельска. После смерти Лидии Ивановны город вроде бы взял заботы об аллее на себя, но без любящих хозяйских рук она потеряла прежнюю прелесть...¹⁷

Умерла Лидия Ивановна 30 августа 1915 г. в возрасте 57 лет в Петрограде, где ее лечили от тяжелой болезни. Гроб с телом покойной доставили в родной Архангельск и похоронили на лютеранском кладбище.

Можно по-разному оценивать деятельность А.Ю. Суркова, но несомненно одно — историю Архангельска трудно представить без этой семьи, для которой Русский Север стал родным. Активная деятельность Альберта Юльевича повлияла на многие аспекты жизни региона: пивоварение, лесопереработка, благотворительность, градостроительство, пароходство и т.д. Упорный труд, незаурядные организаторские способности, разносторонность интересов позволили ему добиться выдающихся результатов.

* * *

¹ Поморская энциклопедия. Т. 1: История Архангельского Севера / Гл. ред. В.Н. Булатов; сост. А.А. Куратов. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2001.

² Лоцилов М. Скупой предприниматель и раньше платил дважды: чем закончилось «хмельное дело» господина Суркова // Правда Севера. 2006. 6 сент. С. 6.

³ Ленгауэр В. Альберт Юльевич Сурков: Некролог // Известия АОИРС. 1917. № 6. С. 229–232.

⁴ Лоцилов М. Указ. соч. С. 6.

⁵ Гернет С., Трошина Т. Его пример — другим наука: подъем и расцвет этого предпринимателя совпал с развитием всего Архангельского Севера // Архангельск. 1997. 14 июня. С. 7.

⁶ Овсянкин Е.И. Завод на Северной Двине. Архангельск, 2000.

⁷ Гернет С., Трошина Т. Его пример — другим наука... С. 7.

⁸ Из рабочего листка № 4 о положении рабочих на лесопильном заводе Суркова от февраля 1905 г. Архангельский комитет РСДРП // Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 г.): хрестоматия / Под общ. ред. А.А. Куратова. Архангельск, 2004. С. 293–294.

⁹ Гернет С., Трошина Т. Его пример — другим наука... С. 7.

¹⁰ Отчет Архангельского женского попечительного общества о бедных за 1910 г. Архангельск: Губернская типография, 1911. 52 с.

¹¹ Ленгауэр В. Указ. соч. С. 229–232.

¹² Гернет С., Трошина Т. Его пример — другим наука... С. 7.

¹³ Отчет о состоянии и деятельности Архангельских «всеградских яслей» за 1911 г. Архангельск, 1912. С. 3.

¹⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2236. Л. 7, 11 об., 12.

¹⁵ Фрезер Е. Дом над Двиной. Детство в Архангельске. Архангельск, 1999. С. 131–132.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гернет С., Трошина Т. Обязывали нормы тогдашней морали // Архангельск. 1997. 13 марта. С. 7.